

# Иранские источники по истории туркмен XVI-XIX вв.

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

Иранские источники по истории туркмен XVI-XIX вв.

ИРАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI-XIX вв.

Иранские нарративные источники по истории туркмен это – те же произведения исторической и повествовательной литературы на персидском языке, часть которых давно известна и пользовалась популярностью КЯК В 81 Востоке, так и среди европейцев, будучи представлена в большом количестве манускриптов и изданий, часть же ограничена лишь несколькими списками и даже униками. Одной из причин широкой популярности и распространенности в списках некоторых исторических сочинений Ирана можно считать умение их авторов угодить вкусам и литературным запросам

сам феодальных кругов Ирана, Индии и Средней Азии, иногда в ущерб полноте и правдивости сообщаемых сведений.

Такие популярные исторические сочинения, большей частью компилятивные по своему составу, как, например, «Раузат-ус-сафа» Мирхонда» раньше других стали известны в Европе и были использованы как «первоклассные» исторические источники, заслонив свои первоисточники, ценные и полнотой и непосредственной близостью к изображаемым событиям; на эти первоисточники-лишь недавно обращено вполне заслуженное ими внимание, и они постепенно издаются и переводятся на европейские языки.

Указанные нарративные источники, кроме того, распадаются по истории -общего характера, летописи, в которых изображаются события всего известного автору и его эпохе мира с древнейших времен; эти общие летописи, разумеется, носят компилятивный характер, отношение их авторов к первоисточникам, как правило, лишено элементарной критичности, текст - большей частью

выписывается целиком, слово в слово, очень часто без указания имени автора, или же по разным соображениям подвергается изменениям и переделкам; таковы летописи Мирхонда и его продолжателей Хондемира и Риза-кули-хана.

В противоположность этим универсальным историям, истории частные излагают события определенной эпохи, касающиеся определенной исторической личности, например «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» (История шаха Аббаса I) Искандера Мунши или «Надир-намэ» Мухаммеда Казима. В таких летописях почти всегда много интересных подробностей, автор их иногда является современником и даже участником описываемых событий.

Изложение в этих исторических произведениях (общих и частных) хронологическое, часто из года в год, материал распределяется на большое число отделов, носящих разные названия; в конце отделов часто приводятся списки выдающихся личностей за описываемый период с подробными о них сведениями.

Стиль большинства летописей – в высшей степени вычурный и цветистый, отражающий вкусы и требования феодальной эпохи Востока.

Отдельную группу исторических источников составляют сочинения особого жанра – дневники-описания путешествий. Для XIX в. мы имеем два таких произведения: отчет о посольстве в Хиву Риза-кули-хана и дневник путешествия шаха Насир-эд-дина в Хорасан, составленный Хаким-уль-мамалцком. Сюда же можно отнести и насыщенный историческими сведениями дневник путешествия того же шаха в Хорасан, составленный Мухаммед Хасан-ханом.

#### ■ „Хабиб-ус-сияр“

Иранские исторические повествования XVI в. открываются капитальным трудом по всеобщей истории, озаглавленным «Хабиб-ус-сияр фи ахбар-и-афрад-иль-башар», сокращенно «Хабиб-ус-сияр» («Друг жизнеописаний») Хондемира. Этот труд в некоторых отношениях сходен с большим и универсально популярным и на Востоке и в Европе историческим сочинением конца XV в. «Раузат-ус-сафа» Мирхонда, извлечения из которого помещены в I томе, но стиль его в общем более изыскан, богат метафорами, с

другой стороны, более сжат, более лаконичен и вместе с тем ясен. «Хабиб-ус-сияр» принадлежит к числу немногих иранских исторических произведений, в которых автору удается в немногих, сравнительно, выражениях изложить целый ряд фактических данных; при всем том содержание его шире, чем у Мирхонда, так как им охвачен ряд династий, пропущенных у последнего. Очень ценным элементом надо признать биографическую часть — жизнеописания выдающихся деятелей соответствующих эпох, как добавление в конце изложения истории отдельных династий. «Хабиб-ус-сияр» делится на три тома (муджалляд) по четыре части (джуз) в каждом. Существует несколько литографических изданий его на Востоке<sup>1</sup> и значительное количество рукописей в библиотеках мира. Европейские ученые пользовались им неоднократно для своих работ, напр. Б. Дорн для своей истории Табаристана и сарбедаров, Эллиот для истории Индии и др. Для истории туркмен и Туркменистана XVI в. сведения рассеяны в третьем томе: маршруты походов в Хорезм, Везир, Адак, Астрабад, а также события в Мерве.

Автором «Хабиб-ус-сияр» является Гияс-уд-дин ибн Хумам-уд-дин, прозванный Хондемиром. Родился он в Герате около 1475 г. и приходился внуком знаменитому иранскому историку Мирхонду, по смерти которого в 903 г. х. (1498 г.) он обработал и закончил седьмой том его всеобщей истории «Раузат ус-сафа» («Сад чистоты») и географическое к ней добавление, пользуясь, как и дед, покровительством министра тимуридского государя султана Хусейн-и-Байкара (878-912 гг. х.—1473-1506 гг.) и просвещенного мецената той эпохи Мир-Али-Шира (род. 844 г. х.—1440/41 г., умер в 906 г. х.—1501 г.) и его обширным собранием рукописей исторических сочинений.

Хондемир приступил к составлению своей всеобщей истории «Хабиб-ус-сияр», повидимому, в 927 г. х. (1521 г.) и закончил ее в 930 г. х. (1524 г.), за несколько месяцев до смерти шаха Ирана Исмаила I, посвятив ее своему покровителю, правителю Герата ходже Хабибуллаху, по имени которого и названа история. По приглашению султана Бабура, одного из тимуридов, основателя империи великих моголов в Индии, Хондемир прибыл в 934 г. х.

(1527/28 г.) ко двору его в Агру, по предложению его преемника Хумаюна составил сборник правил и узаконений Хумаюна и описание возведенных им зданий под заглавием «Хумаюн-намэ» (в 940 г. х. – 1533/34 г.). Хондемир умер в Гуджерате в 941 г. х. (1534/35 г.).

#### ■ „Ахсан-ут-таварих“

Одним из первоисточников для истории первых двух сефевидов – шаха Исмаила I (907-930 гг. х. – 1502-1524 гг.) и шаха Тахмаспа I (930- 984 гг. х. – 1524-1576 гг.) – считается «Ахсан-ут-таварих» («Наилучшая из летописей»), мало популярный и мало использованный труд, так как он существовал до сих пор в чрезвычайно ограниченном количестве рукописей и лишь недавно издан в Индии с английским переводом, между тем как первоисточник, на который ссылаются позднейшие более популярные истории, напр., Искандера Муншп (с<sup>т</sup>. ниже), «Ахсан-ут-таварих» надо признать чрезвычайно важным; таким образом он разделяет судьбу многих других<sup>1</sup> первоисточников, вытесненных позднейшими компиляциями. Рукопись Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, написанная, повидимому, в первой половине XVII в., т. е. вскоре после изображаемых в ней событий, содержит только два тома из десяти: девятый (сохранилась лишь часть), по словам самого автора (л. 138b), охватывает период 800– 899 гг. х. (1397–1493 гг.) и повествует «о падишахах румских, чагатайских л о караманской династии»; историю первых двух сефевидов содержит собственно десятый том, обнимающий время 900–985 гг. х. (1494–1577 гг.); сюда же вошли и «дела султанов румских, хаканов чагатайских, ханов узбекских, знаменитых ученых, везиров и поэтов, бывших их современниками» (л. 137a); повествование кончается на смерти шаха Тахмаспа I, борьбе между его сыновьями, кратковременном кровавом царствовании Исмаила II, его смерти и воцарении Мухаммеда Худабендэ (985-995 гг. х.– 1578-1587 гг.), отца шаха Аббаса I;<sup>1</sup> изложение идет в виде хроники по годам, описываются лишь главные события, сжато, без подробностей; стиль изложения прост, свободен от излишней цветистости и напыщенности, но

текст обильно пересыпан стихами. Автор данной исторической хроники "Хасан-бек Румлю, как показывает вторая часть его имени, происходил из -тюркского кызылбашского8 племени румлю, принадлежал, надо думать, к богатому и пользовавшемуся большим значением и влиянием роду. Его деду Эмир Султану Румлю, который умер в 946 г. х. (1539/40 г.), был отдан в «тиюль»3 целый город Казвин (л. 56а). Сам автор, как и большинство предста-вителей кызылбашских племен, состоял в гвардии шаха. За отсутствием более подробных сведений о жизни автора, можно лишь предполагать, что -он был современником и, может быть, сверстником шаха Тахмаспа I (родившегося в 919 г. х. – 1513 г.), в событиях царствования которого автор, в силу своего социального положения, видимо, участвовал непосредственно и вел изложение истории этого периода по личным наблюдениям. Эпоха пред-

шествующая (шах Исмаил I) изложена, очевидно, по первоисточникам и рассказам лиц, непосредственно участвовавших в событиях того времени. Содержание же предыдущего (IX) тома надо рассматривать как компиля-цию исторических трудов предшествующей эпохи.

#### ■ „Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси"

Наиболее подробным и обстоятельным историческим сочинением для эпохи шаха Аббаса I Великого (1587–1628), является указанное в заголовке произведение –«Аббасова мир украшающая история». В этом труде

последовательно излагается предшертвующая история династии сефевидов, начиная с ее родоначальника, ардебильского шейха Сефи-эд-дина; основным

сс. **кызылбаши (по-тюркски—«красноголовые»), от красных шапок, вокруг которых обматывалась чалма. Название это дано было анатолийскими турками тюркским (туркменским) племенам Закавказья, Азербайджана и восточной части Малой Азии, объединившимся в союз вокруг сефевидов (с XIV в.). Эти племена (числом семь— **устаджлю, румлю, текелю', бахарлю, зулькадар, афшар и каджар**) являлись основной социальной силой, на которую**

опирались сефевиды (мусульмане-шииты) при созидании своего государства – современного Ирана – и в борьбе против анатолийских турок (мусульман-суннитов). Впоследствии это прозвище распространено было турками на всех жителей Ирана. же содержанием его надо признать эпфсу и действия шаха Аббаса I; повествование заканчивается 1038 г. х. (1628 г.), т. е. годом смерти шаха Аббаса.

«Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» состоит из предисловия и двух главных отделов (сахифэ), излагающих самую историю шаха от его рождения до законченных автором вместе с предисловием в 1025 г. х. (1616 г.); третий

заключительный отдел дает историю ряда следующих годов, до смерти шаха. Автор этого обстоятельного труда **Искандер-бек родился около 968 г. х.**

**{1660 г.) и происходил из туркмен Азербайджана.** Ему присвоено в литературе прозвище Мунши, так как он состоял при шахе Аббасе в числе секретарей (мунпш). Он находился в непосредственной зависимости от великого везира (И'тимад-уд-доуле) Хатим-бека, а после его смерти – от его сына Абу-Талиб-хана и пользовался покровительством обоих. Близость к представителям тогдашних верхов давала возможность Искандер-беку быть в курсе дел и событий, происходивших в описываемую им эпоху.

Там, где автору позволяло его официальное положение, он высказывает трезвые взгляды в объяснение поступков действующих лиц. Не будучи стеснен в пользовании современными ему официальными материалами, автор цитирует неоднократно предшествующие исторические хроники,

напр. «Джихан-ара» («Нусах-и-джихан-ара» – «Мир украшающие списки») Ахмеда аль-Гаффари, **«Тарих-и-ахвал-и-саятин-и-туркеман» («История**

**жизни туркменских султанов»)**, и сверх того вносит в свое изложение как результаты личных наблюдений (напр. стр. 350), так и устные рассказы очевидцев и участников событий (напр. стр. 302). Стил ь изложения не перегружен чрезмерной цветистостью; излишества в этом отношении допускаются автором лишь в официально необходимых случаях, т. е. когда им

излагаются действия высокопоставленных лиц — шаха и др. и подробности военных действий.

## ■ Продолжение „Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси“

### 1) «Хулясат-ус-сияр»

Образованные круги иранского общества эпохи

шаха Аббаса I благосклонно отнеслись к труду Искандер-бека Мунши

и предложили ему продолжать свои занятия, работая над историей нового шаха Сефи I. Сначала автор, которому в момент воцарения шаха Сефи I

было уже 70 лет, колебался принять это предложение, но затем согласился на лестную для него задачу и приступил к погодному изложению событий

четырнадцатилетнего периода шаха Сефи предпослав главу с описанием смены царствования и подробны очерк воспитания шахом Аббасом I внука Сам-мирзы, впоследствии шаха Аббаса II.<sup>2</sup> Изложение этого отдела в общем совпадает с соответствующим описанием событий в «Тарих-и- алям-ара-и-Аббаси». Дальнейшее изложение, столь же обстоятельное и подробное, как и в «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси», ничем не отличающееся по стилю и содержащее данные о борьбе с хорезмскими ханами за обладание Мервом и Атеком, кончается на воцарении шаха Аббаса II (1052 г. х. — 1642 г.).<sup>3</sup> Непосредственно вслед за этим вскрывается интересное обстоятельство, по недосмотру пропущенное Б.Дорном: следующая глава содержит биографию автора «Хулясат-ус-сияр», которым неожиданно оказывается некий Мухаммед Ма'сум ибн Ходжаги-и-Исфахани. Этот последний в начале своей придворной карьеры был шталмейстером—смотрителем шахских верблюжьих табунов и заведующим шахскими конюшнями (одна из больших придворных должностей). По словам автора, он находился на службе у шаха Аббаса I до самой его смерти в 1038 г. х. (1628 г.) в течение двенадцати лет, т. е. с 1026 г. х. (1617 г.). В течение следующего четырнадцатилетнего царствования шаха Сефи I он неизменно оставался в своей должности, продолжая заниматься литературной работой (составление

сборника стихов), начатой еще при шахе Аббасе I. На четвертом году царствования шаха Аббаса II, т. е. в 1056 г. х. (1646 г.), он был назначен везиром при правителе Карабага Муртазакули-хане Зияд-оглы в г. Гяндже.

Наконец, автор приводит заглавие данного сочинения и сообщает, что по поручению шаха Сефи I он приступил было к составлению всеобщей истории и уже довел изложение до момента непосредственно предшествующего воцарению Тимура, пользуясь книгами из шахской библиотеки, как получил распоряжение шаха приостановить работу и изложить историю только периода его царствования. Согласно словам автора, он написал историю десяти лет правления шаха Сефи I, когда последовала смерть этого шаха. Таким образом остается неясным, каким образом его труд явился продолжением «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси»: сам ли он продолжал работу, начатую Искандером Мунши, нигде не упоминая об этом и не указав, где прервалась окончательно работа последнего, или же позднейший редактор механически связал введение Искандера Мунши и дальнейшее изложение Мухаммеда Ма'сума; почти полное тождество стилей изложения обоих историков не дает возможности точно разграничить их работу. Наконец, пользуясь указанием автора на десятилетие, которым ограничивается написанная им история шаха Сефи I, можно истолковать его в том смысле, что он начал писать историю короткого шаха через четыре года после его воцарения и что история первых четырех лет написана кем-то другим – предположительно Искандер-беком Мунши.

## 2) «Тарих-и-Тахир-и-Вахид».

Дальнейшим продолжением истории сефевидов является история, написанная Мухаммедом Тахиром и посвященная периоду шаха Аббаса II (с 1052 г. х. – 1642 г.). Самой истории царствования Аббаса II предпослано введение, повествующее о рождении Аббаса и о его генеалогии. История Аббаса здесь не закончена, и повествование прерывается на 1074 г. х. (1663 г.). Насколько два предыдущих исторических труда Искандера Мунши и Мухаммеда Ма'сума можно признать обладающими умеренно-цветистым стилем,

но насыщенными историческим содержанием, настолько история Мухаммеда Тахира представляется стилистически элегантной, но малосодержательной. Это и не удивительно, если мы вспомним, кто был ее автор. Состоя сначала в качестве «мунши» при великом

везире Халифэ Султане, по поручению которого взялся за писание одного исторического труда, он был назначен шахом Аббасо'м II в 1055 г. х. (1645 г.)

на должность придворного историографа (меджлис навис). Как для первой должности, так и в особенности для второй, по понятиям феодального обще-

ства того времени, требовались люди, обладавшие лишь изяществом литературного стиля, знанием тонкостей языка и неудержимой фантазией для того, чтобы уметь создавать те поразительные гиперболы и метафоры, которые являются теперь бичом для читателя-историка.

Мухаммед Тахир считался в ту эпоху первым стилистом, составил сборник образцов эпистолярного стиля и, наконец, значительное по размерам собрание поэтических произведений (диван), в которых автор значится под литературным псевдонимом Вахид, хотя эти произведения уже тогда ценились лишь в силу занимаемого автором высокого положения. Материалом для истории туркмен как в «Тарих-и-алям-ара», так и у его продолжателей являются несистематичные, рассеянные по разным годам царствований сведения о событиях в Хорасане, в Мерве и участии в них туркмен.

#### ■ „Мухит-ут-таварих“

«Мухит-ут-таварих» представляет компиляцию из тридцати семи исторических и поэтических произведений, как указываем сам автор в предисловии, как бы поясняя заглавие своего труда. Содержанием имеющейся в Институте востоковедения АН части данного исторического сочинения, сверх краткого изложения предыдущей истории ханов, служат события во время правления в Бухаре Субхан-кули-хана (1091-1114 гг. х.— 1680-1702 гг.), главным образом смуты, созданные набегами ургенчского хана

Ануши на Бухару, Самарканд и другие города, и взаимоотношения Субхан-кули с Мервом.

Автор истории – Мухаммед Эмин Кирак Яракчи. Язык автора – иранский язык Средней Азии (таджикский). Рукопись неполная и включает в себе лишь десятую (последнюю) главу. Сверх материала исторических хроник, в состав истории входит несколько глав о художниках, каллиграфах и ученых эпохи. Помимо того, в конце рукописи имеются три добавочные- главы: о путешествии Абдуль-Азиз-хана, брата Субхан-кули и правителя Бухары, в Мекку, вторая и третья главы о событиях 1096 и 1097 гг. х.. (1684 и 1685 гг.).

#### ■ „Надир-намэ"

Основным источником для истории Надир-шаха (ум. в 1747 г.), по богатству фактических сведений далеко оставляющим за собой не только все,, что известно об истории Мерва в XVIII в., но и все вообще источники па истории царствования Надир-шаха, в том числе и труд официального историка этого царствования Мехди-хана, нужно считать исторический труд, под неустановленным еще заглавием «Надир-намэ» или «Китаб-и-Надири», так как из трехтомного сочинения сохранились лишь второй и третий томы. В первом томе излагались события до вступления Надира на престол; второй обнимает события от его воцарения рамазана 1148 г. х. (4/15 января 1736 г.> до начала войны с Турцией в 1156 г. х. (1743 г.); третий – события последних лет царствования Надира, причем рассказывается и об отступлении иранского войска из Туркестана после получения известило смерти шаха; конец сочинения принадлежит уже сыну автора, участвовавшему в отступлении из Туркестана.

Автор этого труда – Мухаммед Казим, везир г. Мерва, принимавший участие в событиях царствования Надир-шаха, например, в походах против Бухарского и Хивинского ханств. Автор проникнут любовью к своему городу, о котором соЛлцает не только исторические, но и топографические сведения.

Очень подробно говорится о действиях в Мерве Надира, причем эти дей-ствия связываются с намерением совершить поход на

Китай, недавно возникший новый г. Мерв, о котором до сих пор не было никаких известий.

Кроме событий в Мерве и вообще в Средней Азии, в которых автор непосредственно принимал участие, он подробно излагает и военные действия, происходившие в Индии и Передней Азии.

## ■ „Тарих-и-Надири“

Период правления в Иране и западной части Средней Азии Надир-шаха нашел также отражение в историческом труде «Тарих-и-Надири», иногда называемом «Тарих-и-джихан-гуша-и-Надири», но здесь меньше всего отразились не только социально-экономические, но даже политические события эпохи Надир-шаха. По содержанию это скорее всего военная история, вернее сборник военных реляций о походах и передвижениях армий, об осадах и штурмах крепостей, о больших сражениях и о мелких кавалерийских стычках. Центральными фигурами в этом повествовании являются шах и его победоносное войско. При описании их действий проявляется вторая отличительная черта, свойственная не только «Тарих-и-Надири», но в особенности. Автору историческому труду того же автора «Дуррэ-и-Надирэ», да и не чуждая другим иранским историческим сочинениям: необычайно богатые изобразительные средства языка, доведенные до пределов совершенства стилистические приемы — метафоры, сравнения, столь излюбленные гиперболы, перифразы проходят по всему сочинению, наиболее ярко и интенсивно проявляясь при описании действий шаха и его войска. Помимо этого, повествование обильно уснащено обычными для произведений иранской изящной литературы разного рода сентенциями и кораническими выражениями, рифмованной прозой и трафаретными лирическими введениями, большей частью в виде отрывков, заимствованных из Хафиза, наконец, неожиданными каламбурами с личными и географическими именами и остроумными коротенькими рассказами-анекдотами. Таким образом, сам собою напрашивается вывод, что в «Тарих-и-Надири» и ему подобных сочинениях мы имеем своеобразный, но определенный литературный жанр, доведенный до полного своего развития в условиях феодального общества и в

соответствующей литературной среде, но эта «художественная» история—явление не новое. Если не по содержанию, то по форме мы замечаем этот жанр и у Искандер-бека Мунши и у других историков; прототип его мы видим в «Тарих-и-Вас-саф» («Истории Вассафа»). Впрочем сам автор историй Надира не скрывает своего подражания истории Вассафа, служившей ему образцом.<sup>4</sup> ^Автором этих двух историй Надир-шаха является мирза Мехди-хан. Бу-

Здесь описываются события с 1150 по 1233 гг. д. (1740 – 1818 гг.), развернувшиеся в Афганистане, Бухаре, Хиве и Коканде. Так как автор данного повествования происходил из Бухары, то, как ■можно было ожидать, тамошние события он описывает наиболее .точно и подробно; почти всегда автор указывает мотивы событий и побужде-ния, руководившие действующими лицами, о характере которых он ^сообщает интересные и цепные сведения. Приходится пожалеть, что у автора почти нигде не указаны даты, и в части, касающейся Афганистана, изложение носит несколько беспорядочный характер.

Язык сочинения – начинавший тогда вырабатываться современный «фарси», с теми особенностями в истории развития последнего, которые мы можем наблюдать в области влияния на этот язык синтаксиса анатолийско- турецкого языка, сверх того, здесь заметны и просто заимствования йз того Жб язык я. Подробных сведений об авторе не имеется, но можно предполагать, что он принадлежал к бухарскими сейидам. По его словам, он нахо-дился при шахе Махмуде, когда тот бежал в Бухару; затем автор состоял в качестве заведующего хозяйством при посланнике бухарского хана, отправленном в Россию в начале XIX в., был в Москве и девять месяцев в Петербурге. Наконец, в качестве секретаря посольства он отправился в 1222 г. х. (1807 г.) в Константинополь, где и составил свое описание событий в Средней Азии по поручению Ариф-бея, которому в силу своего официального положения при константинопольском дворе приходилось прини-мать приезжих из восточных стран и который на практике осознал необходимость знакомства с положением дел в среднеазиатских странах и с тамошними отношениями. Пребыванием автора в Константинополе, где он провел остаток

своей жизни и умер в 1246 г. х. (1830),? и объясняются влияние турецкого языка на его персидский и та свобода и откровенность, с которой он вскрывает, как сказано, побуждения, руководившие действующими лицами, и мотивы событий.

#### ■ „Ма'асир-и-султанийе"

Самым ранним сочинением по истории каджаров (с 1193 г. х. –1779 г.) надо считать труд Абд-ур-Реззака ибн Неджеф-кули «Ма'асир-и-султанийе» («Султанские памятные дела»), написанный в традиционно-цветистом стиле, но достаточно подробно излагающий историю активных представителей, вождей каджарского племени, их борьбу за обладание властью в Иране, .позднейшие внешние и внутренние события – войну с Россией и роль Англии в этой войне, восстание племен, взаимоотношения с правителями Мерва и пр. Об авторе этого сочинения сведений не имеется, но, видимо, он стоял близко к наследнику иранского престола Аббас-мирзе и был прекрасно осведомлен о всех важнейших политических событиях.

Труд Абд-ур-Реззака еще в рукописи лег в основу истории каджаров на английском языке. Лопез Вгус^ез, английский посланник в Тегеране, использовал его в виде перевода, частично сократив начальные главы, закончив перевод на 1226 г. х. (1811/12 г.) и предпослав большое введение (стр. XIII–CXCI).

#### ■ „Насих-ут-таварих"

Подробнейшей историей эпохи каджаров является трехтомный фолиант, озаглавленный «Тарих-и-каджарийе» («История каджаров») и составляющий, в свою очередь, третий том обширной истории «Насих-ут-таварих» («Отмени- тель предыдущих историй»), два первых тома которой, не имеющие большой ценности, трактуют только лишь о пророках и о Мухаммеде. Изложение в «Тарих-и-каджарийе» доведено до 1273 г. х. (1856/57 г.) и является самым подробным, богатым деталями и систематичным и может сравниться в этом отношении с историей

Риза-кули-хана «Раузат-ус-сафа» («Сад чистоты»), доведенной до 1270 г.х. (1853),<sup>4</sup> с которой «Тарих-и-каджарийе» во многом совпадает, так как оба труда составлялись одновременно на основании одних и тех же материалов по поручению шаха Насир-уд-дина. Благодаря детальному и связному изложению, такие сложные и цельные события, как восстания ходжи Юсуфа Кашгарского в туркменской степи, Хасан-хана Салара в ^орасане, военные действия Султан Мурад-мирзы в 1853 г. против Серахса и Мерва, взаимоотношения Ирана и Хивы, поход Феридун-мирзы против хивинского хана Мухаммеда Эмина и смерть последнего под Серахсом в 1855 г., – события, в которых туркмены принимали активное участие, получают свою цельность и законченность, осмысливаются и усваиваются во всей своей сложности. Авторство «Истории каджаров» принадлежит одному из многочисленных литературных деятелей этой эпохи мирзе Мухаммеду Тагы-хану, Лисан-уль-мульку, с литературным псевдонимом «Сипихр». Он занимал должность по финансовому ведомству (был мустоуфи) и считался придворным панегиристом Мухаммед-шаха, по поручению которого приступил к составлению своего исторического труда, законченного при следующем шахе Насир-уд-дине. Значительное количество его поэтических, довольно посредственных, произведений подражательного характера сохранено его современником, выдающимся литературным деятелем того времени, упомянутым выше Реза-кули-ханом в его замечательной антологии.

■ «Маджма' уль-фусаха».

● „Сафарат-наяз-и-Хорезм“

Путевые журналы, дневники путешествии – явление хотя и редкое, но не новое в иранской литературе. Достаточно вспомнить известное и замечательное «Сафар-намэ» Насир-и-Хосрова (XI в.), чтобы оценить такие дневники с географической и бытовой точек зрения и как исторический источник. Один из таких дневников – путевых отчетов – (мы имеем в «Сафарат-наяз-и-Хорезм» («Отчет о посольство в Хиву»). Посольство было отправлено шахом Насир-уд-дином в 1267 г. х. (185] г.) к

хивинскому хану Мухаммед Эмину для разрешения принципиального вопроса о взаимоотношениях двух государств. Дневник содержит сведения о туркменской степи между Астрабадом и Хивой и о туркменах, живших на этой территории. Сведения эти были настолько ценны своей новизной для иранского общества, что значительная часть дневника была включена в виде отрывков в иранские историографии середины XIX в., как, например, в вышеописанную историю каджаров Лисан-уль-мулька. Послом и автором дневника-отчета о путешествии в Хиву и обратно был уже упоминавшийся Риза-кули-хан – выдающееся явление в культурной жизни Ирана прошлого XIX в.

Риза-кули-хан, известный под литературным псевдонимом Хидаят, который служит теперь фамилией для его потомков в Драпе, родился в Тегеране в 1215 г. х. (1800 г.) и умер там же в 1288 г. х. (1871 г.). Его литературные дарования и пристрастие к занятиям литературой обратили на него внимание двора, и он назначен был учителем и воспитателем наследника иранского престола при Мухаммед-шахе, а затем занимал ту же должность при шахе Насир-уд-дине. Когда понадобилось наметить посла, в Хиву, выбор пал на Риза-кули-хана. По возвращении его из Хивы ему было поручено ведать недавно основанным колледжем Дар-уль-фунун и управлением по делам печати. Как ученый и литератор он проявил себя в разнообразных областях: ему принадлежат поэтические произведения рядом с историческими трудами, самый выдающийся из которых – упомянутое трехтомное «Раузат-ус-сафа», продолжение известной летописи Мирхонда (XV в.); чрезвычайно ценные антологии и большой словарь редких слов; в общем более двух десятков работ, из которых большинство составляют все же поэтические произведения.

#### ■ „Рузнамэ-и-Хаким-уль-мамалик“

К тому же жанру путевых журналов и дневников относится описание путешествия шаха Дасир-уд-дипа в 1283 г. х. (1866 г.) в Хорасан (официально на поклонение гробнице имама Риза в священный Мешхед и для устройства государственных дел) с целью лично убедиться в состоянии северо-восточной окраины Ирана

и принять меры к охране пограничной территории от набегов туркмен, причем путешествие происходило в очень тревожный для Ирана момент активной деятельности последних. Содержание дневника путешествия, которое продолжалось три с половиной месяца (на каждый день в среднем отведено не более пяти страниц), составляют записи об утреннем самочувствии шаха, дальнейшем передвижении, об остановках для завтрака у дороги и о лагерных стоянках, о встречах и проводах, приемах deputаций, просмотре почты и писании приказов и, наконец, даже о цутовых развлечениях. Попутно с этими обычными действиями в пути осуществляется «два ли не самая главная цель поездки в Хорасан – осмотр местности с военной точки зрения: изучаются пути следования в Иран туркменских отрядов, состояние дорог, наличие запаса воды, производится осмотр укреплений и изыскиваются меры противодействия нашествиям с севера, причем нередко вскрывается любопытный факт, что обезлюдившие деревни – результат не только нападений туркмен, но и непосильных поборов помещиков и притеснения ханов, на что жалуется население в поданных шаху на пути заявлениях и петициях. Исторические данные о туркменах и в связи с туркменами в настоящем дневнике носят отрывочный характер. Автором этих записей является один из сопровождавших шаха придворных, по профессии врач, Али Тагы ибн Исмаил, с почетным прозвищем «Хаким-уль-мамалик», т. е. «врач государственных областей». При наличии досуга (так как у этого врача не было практики) он подал шаху мысль вести дневник, чтобы оставить «памятник об этом благословенном путешествии», на что шах изъявил согласие и установил для этого дневника вышеуказанное заглавие. Все же в конце изложения читатель узнает, что в основе дневника лежат собственноручные записи шаха, и вопрос об авторстве усложняется. При сопоставлении с этим дневником дневника второго путешествия шаха в Хорасан четырнадцать лет спустя мы сразу же замечаем разницу, выражающуюся, прежде всего, в упоминании о шахе: в данном дневнике автор говорит о шахе в третьем лице с прибавлением различных подобающих для такой особы эпитетов; далее, замечательно простой, очень близкий к народной разговорной речи язык шаха во втором дневнике, где

шах говорит о себе в первом лице, источниками и умело разбираться в противоречиях». С другой стороны, нам приходилось слышать, а затем и читать утверждения, что Мухаммед Хасан-хан не обладал никакими глубокими знаниями и ученостью, что все его сочинения писались под его наблюдением учеными лицами, которых он собирал отовсюду и труды их затем издавал под своим собственным именем.

Нам кажется, что этот едва ли беспристрастный отзыв вытекает из метода работы Мухаммед Хасан-хана, который за недостатком времени, может быть слишком широко пользовался услугами посторонних лиц при собирании материалов для своих работ. Обработка же этих материалов и отношение к ним автора должны быть всецело отнесены к Мухаммед Хасан-хану, потому что умение разбираться в противоречиях исторических источников и осторожно подходить к последним с известной долей критицизма могло быть лишь явлением исключительным в Иране тех времен и едва ли присущим всем тогдашним иранским ученым-историкам. Этот элементарный критицизм мы в достаточной, мере находим в историко-географическом труде Мухаммед Хасан-хана, озаглавленном «Матля-уш-шамс» («Место восхода солнца»). Этот большой труд – результат путешествия в Хорасан Мухаммед Хасан-хана в свите шаха Насир-уд-дина в семидесятых годах прошлого XIX в., причем из Тегерана в Мешхед и обратно они двигались разными маршрутами. Историческая часть этого сочинения базируется на громадном количестве письменных источников как персидско-арабских/ так и европейских. К этим источникам автор относится, как сказано, с известной долей критицизма,<sup>4</sup> устанавливает неточности хронологических дат, расхождения в показаниях о фактах или просто считает те или иные данные сказками. Археологические изыскания и эпиграфика занимают большую часть места в «Матля-уш-шамс». Так, например, к описанию гробницы имама Риза в Мешхеде, которое заполняет значительную часть второго тома, Мухаммед Хасан-хан прилагает массу снимков с надписей; им тщательно осмотрено по пути большое количество всякого рода построек с надписями и описаны очень важные в научном отношении памятники. «Матля-уш-шамс» дает некоторый материал, связанный с историей туркмен, иногда?

очень колоритный: помимо фактов современных, регистрируемых Мухаммед Хасан-ханом по мере движения по местам, близким к кочевьям туркмен или к путям их проникновения, на территорию Ирана, приводятся два воззвания к туркменам Ахмед-шаха Дуррани Афганского от 1167 и 1168 гг. х. (1753/54–1754/55 гг.), которые призывают суннитов- туркмен к священной войне против шиитов-кызылбашей и к походу на Мешхед; написаны они, видимо, на местном иранском народном языке Афганистана.

А.А.РОМАСКЕВИЧ.

Taryhy makalalar